

РУССКИЙ ВИРАЖ

КУДА ИДЕТ
РОССИЯ?

Николай
Злобин
Владимир
Соловьев

Соловьев Владимир: Провокационные книги

Владимир Соловьев

Русский вираж. Куда идет Россия?

«ЭКСМО»

2014

Соловьев В. Р.

Русский вираж. Куда идет Россия? / В. Р. Соловьев — «Эксмо», 2014 — (Соловьев Владимир: Провокационные книги)

Эта книга – о сегодняшней России. Куда и почему она движется? Какие у нее возможности, проблемы, перспективы и шансы? На что сделал ставку президент Владимир Путин, придя на третий срок? Сегодня многим кажется, что наступает русская весна. Но появляются новые серьезные вопросы. Станет ли крымская история поворотной точкой развития новой России и всей мировой политики? Нарастает новое резкое противостояние между Россией и Западом. Чем это чревато для обеих сторон? И вопрос, не закончится ли русская весна новыми заморозками, не случится ли разворот обратно в зиму, причем как в самой России, так и во всем мире, пока остается открытым... Другими словами: куда ведет Россию новый вираж?

Содержание

От авторов	5
Конец тандема	6
Рокировка	6
Куда податься бизнесмену в России?	10
Тандем: Неудачный эксперимент	14
Политический перформанс	17
Перегретые ожидания	20
Страна вождей	22
Вождизм в политической культуре России	22
Зачем нужна идеология	28
Российская государственность: Механизм со смещенным центром тяжести	31
Зеркало для России	33
В поисках героя	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Рудольфович Соловьев, Николай Васильевич Злобин Русский вираж. Куда идет Россия?

От авторов

Мы пишем эту книгу в момент развития кризиса на Украине и нарастания острого противостояния между Россией и Западом. Но наша книга не про события на Украине, хотя о них мы тоже говорим. Наша книга о сегодняшней России. Про то, куда и почему она движется, какие у нее возможности, проблемы, перспективы и шансы. Станет ли возвращение Крыма поворотной точкой развития новой России и мировой политики? Сегодня многим кажется, что наступает русская весна. Так ли это? И если это так, то будет ли эта весна продолжительной, не закончится ли новыми заморозками, не случится ли разворот обратно в зиму, причем как в самой России, так и во всем мире – поиску ответов на эти вопросы мы посвящаем нашу книгу.

Москва – Вашингтон, февраль – апрель 2014 г.

Конец тандема

Рокировка

Осенью 2011 г. десять тысяч человек собрались в Москве, чтобы утвердить список «Единой России» на выдвижение в Государственную думу. Речь, как всегда, шла о партийной тройке, но в этот раз бюллетени были довольно странными: под номером один никто не был указан – стоял прочерк. Десять тысяч человек приехали из разных городов. Конечно, как всегда бывает на такого рода мероприятиях, ряд речей был заготовлен заранее. Атмосфера была приподнятая. Как-никак, съезд – это всегда съезд, тем более правящей партии.

Именно в этот момент особенно часто заходили разговоры о том, что же будет потом, пойдет ли Дмитрий Анатольевич на второй срок, или вернется Владимир Владимирович, или вдруг появится некий третий кандидат. Путин интриговал западное сообщество фразами «вам понравится», Медведев говорил о том, что ему нравится заниматься президентской работой, но каждый подчеркивал, что у них очень хорошие отношения друг с другом и полное взаимопонимание.

Речь о третьем кандидате в том или ином виде заводилась не раз, хотя и тут звучало плохо замаскированное признание приоритета мнения Путина. Вроде как если Путин захочет, то, может быть, будет и кто-то третий. Кого только ни называли этим третьим – начиная от Валентины Матвиенко, которая, услышав это предположение от Алексея Венедиктова, схватилась за сердце и сказала: «Боже, Боже, не говори так!» – и заканчивая кандидатурой Дмитрия Козака. Но по большому счету это как раз была такая ситуация, когда в качестве третьего можно было назвать человек двадцать, и все понимали, что при желании Путина кандидатом мог быть выдвинут любой из них.

Одного из сотрудников администрации президента Медведева спросили: кто, по его мнению, пойдет на президентские выборы? Он ответил очень философски: «Посмотрите на график. У президента график рабочий, у премьера – избирательный». Действительно, президент постоянно находился в рабочих поездках, количество их было феноменальным, и понять, каким образом человек, пусть даже тренированный, пусть даже относительно молодой, способен выдержать эти бесконечные перелеты и напряжение, было сложно.

В свою очередь, график премьера был в гораздо большей степени, если можно так выразиться, рассчитанным на восприятие широкой аудитории. И конечно, в итоге это не могло не сказаться и на рейтингах каждого из политиков. Традиционно рейтинг Путина был чуть выше; в какой-то момент казалось, что рейтинг Медведева может подняться до сравнительно близких значений, но летом 2011 года, после изменения графиков тандема, стало ясно, что разница по крайней мере перестала сокращаться.

Но любые домыслы приобрели совершенно иное звучание после того, как эти два человека поразили воображение всей страны. «Мы посоветовались и хотим довести до вашего сведения, что я решил возглавить партию «Единая Россия» на выборах, – сказал Медведев, – выдвинуть в кандидаты на должность президента Путина Владимира Владимировича, а в случае его победы на выборах я хотел бы заняться практической работой и стать премьер-министром».

Наверное, если бы сообщение ограничилось только этим, отношение было бы несколько иным. Но Дмитрий Анатольевич пояснил, что, оказывается, о такой рокировке они с Путиным договорились еще четыре года назад. Возник справедливый вопрос: почему же партия, лидеры которой, оказывается, договорились о чем-то еще четыре года назад, ничего не знает, а десять тысяч человек пришли, чтобы посмотреть на прочерк в бюллетенях?

Нет, конечно, с позиции любой партии более чем разумно, когда заранее честно объявляется: этот человек поведет партию на выборы, а того мы увидим кандидатом в президенты. Это благородно, цивилизованно, и, пожалуй, было бы даже хорошо, если бы каждая из политических сил, идущих на выборы, поступала таким же образом. Тем более что «Единая Россия» действительно претерпела большое количество демократических изменений, начиная с самого, пожалуй, важного – идеи проведения праймериз, которая резким образом сокращала возможность «денежных мешков» покупать места в партии.

Плюс – путинская идея «Народного фронта», которая тоже не могла не повлиять благотворно на состав кандидатов в депутаты, поскольку большое количество людей, которые по тем или иным причинам не хотели ассоциироваться с партией «Единая Россия», как, например, доктор Леонид Рошаль, получили возможность тем не менее объединиться под именем Путина и участвовать в парламентской кампании.

И все же возникла легкая неловкость. Несколько раз после этого президент Медведев, пользуясь средствами массовой информации, пытался объяснить свой поступок – то в беседе с руководителями телевизионных каналов, то с блогерами, и каждый раз суть сводилась к тому, что «мы давние друзья, мы ведем единую политику, но рейтинг у Путина был чуть выше». Ну конечно, рейтинг у Путина был чуть выше, и тому есть как объективные, так и субъективные причины. Однако в любом случае довольно странно мерить рейтинг до начала собственно избирательной кампании. Да и Запад отнесся к ситуации без достаточного понимания – не случайно Кондолиза Райс высказалась об этой рокировке в высшей степени негативно, заявив, что демократия превращена в России в пародию на самое себя.

Решение Путина и Медведева поменяться местами выглядело с одной стороны очевидным, а с другой – достаточно неожиданным. Не то чтобы Путин не вызывал доверия – рейтинги и опросы по-прежнему были очень высокие. И не то чтобы Медведев сказал что-то не так. Просто казалось, что Медведев скорее ассоциирует себя с какой-то иной силой. Конечно, после того как он сказал, что он плоть от плоти «Единой России», вопросы отпали. Однако до этого вся риторика была скорее направлена на необходимость модернизации партии и борьбу с чиновничеством в «Единой России».

За все годы президентства Медведева теория, что он может просто формально поменяться с Путиным местами, практически не обсуждалась, и то, как повернулись события, оказалось большой неожиданностью для российской политической элиты, а главное, для тех неформальных центров силы, которые привыкли осуществлять реальное управление страной через правительство. Медведеву пророчили либо второй президентский срок, либо должность в сфере внешней политики, безопасности, в судебной системе, преподавательскую деятельность или представительство в какой-либо международной организации. То, что он вдруг займет пост главы правительства, многих повергло в настоящий шок.

Сентябрь 2011 года стал началом новой эры в российской политике. Оказалось, что в России одновременно появились две «хромы утки» – в роли одной из них выступало правительство, а другой – администрация президента. Было совершенно очевидно, что при переходе Медведева в Белый дом, а Путина в Кремль простой замены вице-премьеров на заместителей руководителя администрации президента и советников президента не произойдет.

Спокойней всех себя чувствовал Сергей Собянин, который вовремя успел выйти из состава правительства и оказаться мэром Москвы. Но ряд людей ощутили себя крайне неуверенно, а некоторые позволили себе довольно непродуманные заявления. При этом эмоциональный комментарий Аркадия Дворковича в *Twitter* по поводу выдвижения Путина в президенты не повлек за собой никаких административных шагов, а вот после того как Алексей Кудрин заявил из-за границы, что он не видит себя в составе правительства под руководством нового премьера Медведева, последовало очень и очень жесткое выяснение отношений, неоднократно транслировавшееся по телевидению и послужившее потом основой для многих анек-

дотов. Однако эмоции Алексея Леонидовича и людей из его ближайшего окружения никак нельзя было назвать анекдотичными.

Еще один любопытный нюанс: в этот момент в Кремле произошла смена «серых кардиналов». Когда должность Владислава Суркова занял Вячеслав Володин, это ознаменовало принципиальное изменение во внутренней политике. Подход Володина технологически кардинально отличается от подхода Суркова. И это отличие отразило в первую очередь изменение настроений Путина – ведь очевидно, что смена людей из столь близкого круга, так сильно влияющих на внутреннюю политику, невозможна не только без личного одобрения президента, но и без изменения его внутреннего состояния.

В сентябре 2011 года собрался так называемый Ярославский форум, который принято ассоциировать с Дмитрием Медведевым – там Медведев обычно делает важные заявления, выступает с мировоззренческими речами, приглашает разнообразных гостей, лидеров российской и мировой элиты, которые тоже выступают с речами или, по крайней мере, комментируют то, что сказал Медведев.

Форум существует уже несколько лет, один из авторов является его постоянным участником и играет там достаточно активную роль. В 2011 году форум прошел до того как было объявлено о перестановке в тандеме, так что интрига сохранялась. Тема форума была: «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». Надо сказать, Медведев выступил там с весьма либеральной речью. Это было крайне интересно, потому что, по всей видимости, к этому моменту вопрос о том, кто станет следующим президентом России, был уже решен.

Ярославский форум вообще напоминает огромную драматическую сцену, на которой российские эксперты и представители истеблишмента выступают перед мировым сообществом. В тот год сцена оказалась трагически вырвана из-под ног участников – накануне их приезда разбился самолет с ярославской командой «Локомотив», и город был в трауре. Более того, форум проходил в штаб-квартире этого ярославского клуба, и, конечно, все там напоминало о трагедии. Разумеется, это отразилось и на настроении участников Ярославского форума, включая Медведева, который, прилетев в Ярославль, сразу отправился на место катастрофы, и лишь оттуда поехал на форум. Видно было, что он совершенно раздавлен случившимся, и в столь же ужасном психологическом состоянии находилась вся его команда.

Тем не менее, Медведев собрался и произнес очень интересную речь, притом говорил, безусловно, по-президентски, а не как премьер-министр, изложив свое видение эволюции российского государства как минимум на ближайшее десятилетие. Одно из положений речи прозвучало почти революционно; смысл его сводился к тому, что в России государство должно двигаться за обществом, а не общество за государством.

Это крайне принципиальная вещь, абсолютно западная, американская, если угодно, постановка вопроса. К сожалению, выступление не вызвало в обществе достаточного резонанса и по большому счету оказалось быстро и незаслуженно забыто – атмосфера недавней трагедии сыграла свою печальную роль, – однако в целом складывалось впечатление, что Медведев выступал, не думая о том, что через две недели он вдруг окажется кандидатом на пост премьер-министра.

При всем том Ярославский форум нагляднейшим образом продемонстрировал то, с каким поразительным чутьем российские чиновники реагируют на малейшие изменения в политической среде. По сравнению с предыдущими форумами в 2011 году в Ярославль приехало очень мало представителей российского истеблишмента – выглядело это так, словно Медведева уже сбросили со счетов.

Годом раньше буквально за несколько дней до отставки на Ярославский форум приехал Юрий Лужков – никто еще ничего не знал, Лужков еще оставался всемогущим мэром Москвы, одним из самых влиятельных людей в стране, да и вообще в России. Юрий Михайлович ходил

по заполненному людьми фойе, а вокруг него в радиусе двух метров было пустое пятно, которое передвигалось по помещению вместе с ним. И даже в забитом под завязку зале, где люди стояли вдоль стен и сидели на ступеньках, около Лужкова было два свободных места – никто не хотел сидеть с ним рядом, пока организаторы не посадили туда иностранцев, которым было все равно. И по этому отношению элиты было видно, что Лужков обречен.

Форум 2011 года создавал ощущение дежавю: опять-таки ничего не было известно, Медведев чувствовал себя довольно уверенно, но то, как участники форума смотрели на Дмитрия Анатольевича и слушали его, недвусмысленно сигнализировало, что его шансы резко сокращаются, хотя, разумеется, никто ничего не мог бы сказать с определенностью. К примеру, во время выступления Медведева министр иностранных дел Сергей Лавров давал в фойе интервью одному из российских каналов, и выглядело это поразительным и откровенным пренебрежением – в конце концов, можно было дать это интервью в Москве, или пусть даже в Ярославле, но через полчаса. Большинство министров и многие лидеры партий вообще не приехали на форум – иными словами, было ясно, что Медведев как президент уходит в политическое небытие, и хотя никаких объявлений на этот счет не было сделано, призраком политической смерти уже витал над ним.

Куда податься бизнесмену в России?

Что показал результат существования тандема в России? Самое главное – можно уверенно сказать, что этот опыт скорее неудачный. За время президентства Дмитрия Медведева не случилось качественного сдвига – не произошло изменение и улучшение политической системы, атмосферы в обществе, экономической ситуации. С другой стороны, нельзя не отметить, что Россия за счет слаженной работы Думы, президента и правительства легче всех из развитых стран на том этапе прошла мировой кризис, хотя входила в него в наихудшем из них положении, и вышла с фантастическими макроэкономическими показателями – которые, правда, не сильно радуют рядового россиянина, потому что он не видит, чем это принципиально влияет на его жизнь. Заметно только то, что не стало совсем плохо – нет галопирующей инфляции.

Мы не раз говорили о том, что институт частной собственности в России так и не утвердился. И это мешает формированию и правильного менталитета, и политической культуры, и гражданского общества. Это взаимосвязанные вещи. Частная собственность, суд, демократия – это треугольник, который всегда существует вместе и одновременно. Суд нужен, чтобы защищать частную собственность, демократия нужна для обеспечения существования независимого суда. Потому что демократия работает только при наличии независимого суда, который работает для защиты частной собственности.

Кто в России сегодня может наладить разумное производство? Либо родной брат губернатора, либо его жена, либо дети. Любой другой вариант практически невозможен. При этом государство пытается помочь отдельным отраслям, и результаты бывают вполне позитивными – например, в сельском хозяйстве. Как только государство обратило на него внимание, начался настоящий бум.

Надо сказать, что ни в СССР, ни в постсоветской России до последнего времени не было такого резкого прорыва в этой сфере. Туда пошли огромные инвестиции – да, в нарушение правил ВТО, да, с коррупцией, откатами и т. д. Но как бы то ни было, они привели наконец к появлению некоего подобия эффективного сельскохозяйственного производства, пусть и с огромными провалами, проблема постепенно решается, министр сельского хозяйства больше не «расстрельная должность», как шутили в Советском Союзе, Россия начинает потихоньку вытеснять экспортные продукты отечественными и даже активно продает зерно и прочую продукцию за рубеж.

При всем том трагедия такого подхода очевидна. Во-первых, государство убеждается в том, что нет никакой частной инициативы, это все миф. Мы обеспечим помощь сельскому хозяйству, мы обеспечим помощь военно-промышленному комплексу, выдав 20 триллионов рублей до 2020 г. через вице-премьера Рогозина, и давайте развиваться. Но ведь это все равно несовременный подход. Государство не занимается созданием среды, а просто само начинает говорить, кто хороший, а кто плохой.

Если взять пример из области демографии, то вместо того чтобы создать условия, способные обеспечить взрыв рождаемости, государство как бы регулярно занимается ЭКО, каждый раз говоря людям: не любите друг друга, не встречайтесь, не рожайте детей – сейчас мы сделаем операцию, искусственно вас оплодотворим; правда, мы не знаем, каким получится этот ребенок, но вы не волнуйтесь, мы все равно все сделаем сами, вам в таких сложных вопросах доверять нельзя.

Во-вторых, когда мы говорим о роли государства в развитии сельского хозяйства или экономики в целом, речь на самом деле идет о конкретных чиновниках, которые принимают решения от имени государства, не обладая сами этой собственностью и не неся лично финансовой ответственности за те решения, которые они принимают. При распределении государ-

ственных средств у чиновника появляется огромный соблазн, поскольку он распределяет, как известно, не свои деньги и в их распределении не обязательно исходит из экономической целесообразности. В любом случае само субъективное право чиновников распоряжаться государственными деньгами по сути является основой коррупции, взяток, откатов и т. п.

Россия – редкая страна, в которой существуют по крайней мере две валюты. С одной все понятно – это рубли, доллары, евро. Вторая же гораздо более ценна – это разрешение. Действует своего рода политика двух ключей. У тебя может быть сколько угодно денег, но если тебе не дали добро на проведение той или иной операции, даже не надейся ее осуществить. Ни один крупный актив нельзя купить, не получив предварительно «добро» на приобретение этого актива, неважно, есть деньги или нет. Метод, конечно же, абсолютно дикий, непонятный и странный. Доходит до того, что зачастую западные министры просят руководителя страны выступить в роли «крыши», чтобы не допустить наезда и отбора собственности со стороны нерадивых или слишком ретивых подчиненных.

Самое интересное, что именно эту проблему ни один из кандидатов в президенты и ни одна из партий даже не попытались озвучить, видимо, полагая, что можно плохого конкретного чиновника заменить на хорошего, и все будет замечательно. По-прежнему считается, что есть абсолютные меры, применение которых все исправит.

Так что если рассматривать тандем как экстренное средство для преодоления кризиса и принятия жестких экономических решений, то краткосрочно он дал положительные результаты. Но если рассматривать его как форму государственного устройства, то можно сказать, что эта форма работает скорее негативно.

Экономические задачи во многом оказались заложниками внутренних задач: не позволить себя рассорить, не создавать внутренней конкуренции. Результат – замораживание и зачистка политической поляны: не в плане уничтожения политических конкурентов, а в плане создания неравновесных конкурентных условий по доступу к СМИ, а главное – по восприятию критики. СМИ стали превращаться во что угодно, но только не в четвертую власть, – никого не волновало, что говорят журналисты. И сами они никаких «расследований» не проводили: ценилась только личная преданность и попытки не вскрыть нарушения, а угадать, к каким последствиям это приведет – поссорит или не поссорит тандем.

В итоге возникли два «клуба неприкасаемых», и возможность получения «крыши» от одного из этих клубов привела к полному отсутствию реальной борьбы с коррупцией, дикому разрастанию голодного чиновничества – голодного не в том смысле, что ему нечего есть, а в том, что его жадность переходит все границы. Поэтому СИЗО и тюрьмы забиты предпринимателями, у которых отбирают заводы и в принципе любые прибыльные предприятия, притом в роли рейдеров выступают структуры, от которых прежде такого никто не мог ожидать.

Примером стала, в частности, история, потрясшая весь деловой мир, – попытка отобрать аэропорт Домодедово. В роли рейдеров там и вовсе выступали высшие эшелоны российской власти, выступившие с предложением немедленной национализации хорошо работающего, эталонного бизнеса. Таких явлений не было в предыдущие годы, и то что при президенте Медведеве рейдерство дошло до такого уровня, конечно, сильно ударило и по морали общества, и по уверенности бизнеса в своих возможностях и правах, в частности в праве собственности.

Стало понятно, что защититься не может вообще никто, надо откупаться, появилась обширная когорта так называемых «хороших ребят», которые приходят и говорят: «Я помогу вам решить вашу проблему», – то есть возник еще целый класс паразитов, «промежуточных людей», которые за определенный откат, политические или финансовые уступки помогали бизнесменам разрешить их проблемы с государством или чиновниками.

Иными словами, в России предприниматели фактически превратились в изгоев. Не стыдно быть ученым, не стыдно быть чиновником, не стыдно быть сотрудником «Газпрома», не стыдно быть сотрудником западной компании, хотя и возникают мысли: «Бедный, что ж

ты так мало зарабатываешь», – не стыдно быть даже вором в законе; сотрудником полиции быть как-то не очень ловко, но самое позорное – это быть предпринимателем: «Надо же, а со стороны казался таким приличным человеком». Особенно если ты не олигарх – тогда ты просто мелкий жулик. Нет, если ты аккуратненько, как говорится, «и еще на стороне немножечко шьешь» – вопросов нет. Это нормально.

На различных телеканалах, в том числе государственных, в течение многих лет формируется негативный образ бизнесмена как человека, который, если есть возможность, обязательно сворует или не заплатит налоги. Вывод: предприниматели – это самый социально ненадежный элемент, они нуждаются в обязательном контроле государства, иначе попросту обдерут нас всех как липку.

В результате страдает нормальный, честный, простой средний предприниматель, который не ворует, платит налоги и при этом даже не получает никакой общественной поддержки. И суд, который оправдает бизнесмена, будет подвергнут сильнейшему остракизму – потому что если ты оправдал бизнесмена, значит, он тебя купил. Бизнесмен превращается в дойную корову и для полицейских на улице, и для чиновников всех мастей, и для менеджеров разного рода организаций.

Понятия «оптимизация налогов» не существует. Если ты оптимизируешь налоги, значит, ты от них уклоняешься и нарушаешь закон. В России вообще очень живуча интересная логика: если ты ходишь пешком, то каждый, кто на «жигулях», в твоих глазах – вор. Если ты едешь на «жигулях», то вор каждый, кто ездит на «форд-фокусе». Если ты на «форд-фокусе», а мимо катит человек на «мерседесе», то уж он точно ворюга. А если, не дай Бог, у него яхта или самолет – о какой его честности может идти речь, не рассказывайте сказок!

Человек, который утром в воскресенье встает в автомобиле в вечной московской пробке, думает: «Ну ладно, я-то еду по делам, а эти все куда?» Точно так же бизнесмен, глядя вокруг, думает: «Ну ладно, я заработал честно, но вот эти все не могли же заработать честно? Особенно те, кто богаче меня».

На самом деле это серьезная государственная проблема. Нелюбовь к бизнесу и бизнесменам, подозрение, что все они жулики, обесценивает саму идею рыночной экономики в России и позволяет всем силовым структурам при полном общественном не то чтобы одобрении, но уж точно попустительстве «наезжать» на предпринимателей – мол, так им и надо, с учителей и врачей взять нечего, а бизнесмен не развалится. Даже если работает 24 часа в сутки и тратит все свои деньги на развитие бизнеса, «наехать» на него не грех.

Яркий пример отношения к бизнесу – отношение к банкам. Что значит – взять у банка деньги в кредит? Как? Их еще и возвращать надо? Банкиры что, вообще с ума сошли? Им еще и проценты нужно платить? Никакого понимания обязательств, никакой культуры подобного рода нет, есть только страх. Поэтому очень распространены, в том числе среди предпринимателей, попытки «кинуть» – договориться с кем-нибудь внутри банка, сделать ему откат и «кинуть». Но никто не мыслит цивилизованными категориями. Нет культуры зарабатывания, нет культуры уважения к богатству.

Однако невозможно построить нормальную экономику и создать здоровую, направленную на развитие страны эффективную рыночную систему ценностей, если бизнесмен не является ролевой моделью, как, скажем, Билл Гейтс, Стив Джобс или Уоррен Баффет, если учителя в школах не рассказывают о жизненном пути успешных предпринимателей, а, наоборот, учат ни в коем случае такими не становиться. Конечно, государству легче управлять экономикой, где бизнесмены зависимы. Можно позвонить и сказать: «Дай мне 10 миллионов на выборы губернатора в этой области и пять миллионов на выборы мэра в том городе». Со свободными бизнесменами так поступить нельзя, особенно если они имеют возможность получить общественную поддержку.

Интересно еще то, что в России сейчас существует несколько организаций, занимающихся якобы интересами предпринимателей. Но есть ощущение, что они понимают эти интересы очень по-своему и не имеют никакого отношения к реальным предпринимателям. Это либо чиновники от бизнеса, либо очень приятные люди, деятельность которых сводится к формуле «плачьте с нами, плачьте как мы, плачьте лучше нас», потому что никакого влияния и возможностей у них нет.

Государство пока что мыслит понятиями разовых инъекций, а не создания среды. В этих условиях говорить про модернизацию можно лишь в том смысле, в каком Петр I водил свои потешные полки. Все это будет носить исключительно бутиковый характер, даже несколько карикатурный. В любом случае страна нуждается в очень серьезном, фундаментальном переосмыслении системы ценностей. Нужна идеология бизнеса, идеология развития, идеология модернизации.

Тандем: Неудачный эксперимент

Когда мы что-то оцениваем, самое тяжелое – это понять чужую точку зрения. Как правило, оценки даются каким-то экспертным сообществом, которое имеет определенный психологический настрой, и со своей высоколобой позиции они судят: удачно или неудачно, хорошо или плохо. И это проблема для политиков всего мира – если они пытаются угодить экспертному сообществу, то, как правило, проигрывают выборы. Потому что голосовать на выборах будут избиратели – а значит, к ним и надо апеллировать.

Иными словами, судить, насколько удачна или неудачна та или иная комбинация, довольно сложно, если не принимать в расчет все критерии. Ну например: судя по тому, как прошли выборы в Государственную думу, назначение Дмитрия Медведева премьер-министром было неудачным. Потому что «Единая Россия» под его руководством провела выборы таким образом, что нельзя назвать удовлетворительным все произошедшее потом. Но с позиции последовавших вскоре выборов президента, завершившихся оглушительной победой Владимира Путина, это выдвижение можно назвать более чем грамотным.

Формально ничто не мешало Медведеву избираться на второй президентский срок. Более того, в любой другой стране мира уход молодого успешного политика с должности президента в премьеры выглядел бы более чем странно. Но был ли Медведев успешным президентом?

Свой президентский срок он начал с создания комиссии по реформированию судебной системы и комиссии по борьбе с коррупцией. Именно при Медведеве в обществе раскрутилось мнение, что все прогнило насквозь. Тема, что коррупция проела государство сверху донизу, стала активно обсуждаться – сама власть вбрасывала ее в общество. Полицейская реформа, судебная реформа и борьба с коррупцией раскачали ожидания, но эффект к концу медведевского срока получился обратный.

Медведев объяснял, что не собирается устраивать компанейщину, что дело не должно ограничиваться публичным осуждением двух-трех коррупционеров, что нужно начинать системные преобразования – структурные, законодательные, – обрубающие возможности для коррупции. Но объяснения объяснениями, а у народа за четыре года правления Дмитрия Анатольевича возникло ощущение, что все вокруг воруют, причем воруют безнаказанно, – несмотря на реальные сдвиги в ситуации.

В России власти прощают все, кроме нерешительности. Когда мэра Москвы Юрия Лужкова отправили в отставку с формулировкой «за утрату доверия» (и все понимали, о чем идет речь), при этом последствия его отставки остались без уголовного преследования, без объяснения с народом – тем самым было проявлено крайнее неуважение к обществу и его ожиданиям.

А когда Лужков приехал в Москву в качестве свидетеля, что-то рассказал и уехал обратно, людям оставалось только гадать о мотивации: кто кого шантажирует, какие деньги в это вовлечены, какие откаты, кто чего боится? Сам собой напрашивался вывод, что, значит, у Лужкова есть какой-то компромат на высшее руководство страны, раз *они* ему *такое* позволяют. Ничего не поделаешь, так уж работает российская ментальность.

Большой проблемой оказались традиционные выступления Медведева, на которых он публично устраивал разнос своим подчиненным: министрам, губернаторам. В случае губернаторов такие выволочки худо-бедно приводили к замене действующего состава, но когда, например, в разгар скандала по поводу крышевания нелегальных казино в Подмоскovie к президенту были вызваны руководитель Следственного комитета Александр Бастрыкин и Генеральный прокурор Юрий Чайка, после чего все остались на своих местах, – это выглядело уже недопустимо.

Анатолий Сердюков, несмотря на очень позитивное начало военной реформы, в какой-то момент превратился в мини-Лужкова: первые шаги были здоровыми, а потом появилась жен-

щина. С должности Сердюкова сняли, но, как мы уже отмечали, проблема в том, что борьба с коррупцией без «посадок» в глазах народа выглядит ничтожной. Снял чиновника – посади его! И то, что Сердюков в итоге не оказался в тюрьме, страшно ударит теперь уже и по президенту Путину.

За несколько дней до выборов Медведев заявил, что за срыв гособоронзаказа нужно «увольнять и увольнять пачками». Ну так в чем же дело? Снимите уже! В другой раз он сказал: «При слове “таможня” хочется бросить микрофон в стенку», – и при этом микрофон не бросил. Но позвольте, это кто-либо из авторов данной книги может бросить микрофон в стенку, а у президента все-таки должны быть иные способы решения проблемы таможни! Что это – бессилие? Непонимание своих возможностей?

Все подобные примеры свидетельствуют об отсутствии системы решения такого рода проблем. Каждый раз используются персональные решения, ручное управление, кейсы и подкейсы, каждый раз все зависит от обстоятельств, каждый раз избирательно применяются политические правила. То ли люди, которые этим занимаются, некомпетентны, то ли им просто на все наплевать – что в глазах общества, по большому счету, одно и то же. А ведь речь идет о политическом руководстве России – таким образом, страдает и авторитет, и рейтинги, и отношение народа к высшим должностным лицам.

Кроме того, когда президент публично критикует подчиненных в Кремле, народ начинает подражать – раз ему можно, значит, можно и нам. При Медведеве началось активное заигрывание с «креативным классом» – как раз тогда появился этот термин, – причем, что характерно, именно эта прослойка обслуживала коррупцию в стране. Но, заигрывая с «креативным классом», Медведев не получил поддержки для себя, зато получил людей, не воспринимающих Путина и боящихся его возвращения.

Никогда нельзя приоткрывать дверку – это та ошибка, которую совершил один раз в России Михаил Горбачев. Когда заигрывают с либеральной интеллигенцией, каждый раз заигрываясь с гласностью и не контролируя процесс, получают неуправляемость. А ментальность россиян такова, что у нас неуправляемый процесс не бывает позитивным – он может быть только деструктивным.

В обществе есть понимание, что министры и губернаторы существуют только для выполнения президентской воли. Они государевы люди и обязаны делать то, что сказал президент, а не критиковать. Это политическая работа, за которую чиновники получают деньги. Если же министр не делает, губернатор возражает, а президент указывает им на их некомпетентность, и при этом не снимает с должности, то народ говорит: «Ну какие же это государевы люди – они свои интересы блюдут». Тогда зачем такой президент, который вопреки всему продолжает работать с людьми, которые с ним не согласны, да еще и не имеет права их снять? Значит, это фиктивный президент, который только греет место для другого.

Можно много говорить, что у Медведева были связаны руки. Но разве это аргумент, когда речь идет об успешности президента? В российской структуре власти президент – самый мощный политический игрок, выше него никого нет. Так уж написана наша Конституция. У Медведева был шанс – который так и остался нереализованным.

Сигналом, что второго шанса не представится, могли послужить два события. Об одном из них мы упоминали – это замена Владислава Суркова на Вячеслава Володина. Второе не так очевидно, но очень знаменательно. Помните фразу Медведева, что его слова «отливаются в граните»? Сказана она была в адрес Сергея Чemezова, руководителя корпорации «Ростех». Сказана публично, в страшном раздражении, предшествовали этому инциденту весьма любопытные аппаратные движения – Чemezов пропустил несколько встреч. А Чemezов – не самый последний человек в нашей стране, и по уровню влияния, и по близости к Путину. То есть Медведев, устроив эту прилюдную выволочку, притом в отношении человека, не находящегося

в его непосредственном подчинении, по большому счету, позволил себе нарушение корпоративных этических норм, а заодно противопоставил себя ближайшему окружению Путина.

Дмитрий Анатольевич за время своего президентства ухитрился рассориться с целым рядом принципиально важных экспертов. Кроме злополучной беседы с Чемезовым можно вспомнить и инцидент с Алексеем Кудриным. Видимо, на каком-то этапе Медведева подвело чувство реальности, он почувствовал себя более сильным президентом, чем являлся, и покусился на традицию, установившуюся в российском истеблишменте, что было воспринято крайне негативно. Не было и не могло быть президента Медведева без поддержки Владимира Путина и его команды, поэтому нападки Медведева закономерно были расценены как предательство.

Очень показательным стало интервью Никиты Михалкова, когда его в лоб спросили, за кого бы он пошел голосовать – за Путина или за Медведева. Это было еще до объявления о перестановке в тандеме. Никита Сергеевич пытался ответить дипломатично, но его в конце концов дожали и он сказал: «Ну что за вопрос, конечно, за Путина». «А Медведев?» – спросили его. «А Медведев – замечательный фотограф». Это, конечно, было большим упрощением. Дмитрий Медведев совсем не прост и не наивен, как многие почему-то считают. Это весьма опытный политик, и сбрасывать его со счетов никому не стоит...

Политический перформанс

По прошествии времени вся кампания, предшествовавшая выборам в Государственную думу 2011 года и президентским выборам 2012 года, выглядит как набор более или менее удачных импровизаций, в значительной степени связанных с личными желаниями и сиюминутными интересами того или иного члена партии или высокопоставленного чиновника. Этот набор экспромтов наглядно продемонстрировал интеллектуальную слабость подавляющего большинства политических сил, участвовавших в выборах, их политическую, психологическую и ментальную неподготовленность.

Слабость оппозиции проявилась даже в призывах: «Да не за нас голосуйте, голосуйте за кого угодно, только не за них!» Со всех сторон раздавались сетования на то, что вся политическая поляна зачищена и закатана катком – при том что в действительности сложно найти хотя бы одного крупного именно политического лидера, который был бы брошен в тюрьму или выслан за границу (многие, правда, считают таковым Ходорковского, однако его персону все же в первую и главную очередь имеет отношение к экономике). Даже с достаточно по-хамски ведущей себя оппозицией власть обращалась более чем цивилизованно.

Что интересно – на фоне бурной активности общественной жизни, при явном запросе общества на новую политическую элиту, новые лица и новые аргументы, ничего подобного не возникло ни в официальной власти, ни в оппозиции. Не произошло этого и в обществе. При всем запросе на политическую активность новых людей, привлекающих внимание, можно было пересчитать по пальцам – это, скажем, Алексей Навальный или Евгения Чирикова.

Казалось бы, при таком ожидании перемен гражданское общество должно было вырастить из себя тысячи Навальных и десятки тысяч Чириковых, которые давили бы на власть на местах, решая свои узкие, локальные проблемы в масштабе широких политических задач. Но этого не произошло. Массовое желание модернизации и обновления привело к структуризации некоторых общественных интересов, но натолкнулось на отсутствие новых политических партий, которые могли бы эти движения оформить. Запрос на обновление остался нереализованным.

Неоднократно звучали и классические для России восклицания: «Неужели нельзя найти, неужели нельзя воспитать, а вот партия, а вот власть не дает...» Но это же абсурд! Попробуйте представить себе картину, как власть что-то дает Владимиру Ильичу Ленину, Джавахарлалу Неру или Махатме Ганди, ласкает их и гладит по голове. Или представьте революционную партию большевиков, идущую на поклон к Николаю II – пожаловаться ему, что один из его подчиненных ведет себя плохо и не дает партии развиваться и вмешиваться во внутренние дела страны. Не получается, правда? Все эти примеры призваны проиллюстрировать простую мысль: как система гражданское общество в России до сих пор не сложилось, и об этом мы еще поговорим позже.

Пожалуй, кульминацией странностей поведения перед выборами 2012 года стал инцидент в спорткомплексе «Олимпийский» после боя Федора Емельяненко и Джеффа Монсона, когда Путина, вышедшего на ринг, чтобы поздравить Емельяненко с победой, якобы освистали. Притом не столь важно, было на самом деле это освистывание или нет, – важна реакция, которая последовала за случившимся.

Оппозиция исступленно уверяла себя и всех вокруг, что свист был, и эта исступленность, как часто бывает у российской оппозиции, начала приобретать форму какого-то массового идолопоклонничества. В интернете началась буквально истерика – гипотетический свист расценивался чуть ли не как выстрел «Авроры». Пожалуй, еще со времен хрущевской «оттепели» свист и крик воспринимаются как нечто всеобъемлющее и всепобеждающее: кажется, что, если выбежать на площадь и громко крикнуть – страна от этого непременно изменится.

Иными словами, разумная осознанная политическая борьба подменяется каким-то перформансом. Неожиданно оказалось, что в постмодернизм поверили не только некоторые кремлевские чиновники, но и вся оппозиция в целом, считающая, что эффектный жест способен разрушить систему.

То, что перформанс заменяет реальную политику, – вообще главный итог последних десятилетий российской общественной жизни. Если чего-то нет в телевизоре или если это что-то не получается сделать зрелищным, эффектным, драматическим, воздействующим на массы – значит, этого попросту нет в природе. Театрализованное представление заменяет нормальную рутинную политическую работу. Наверное, если бы герой сказок и былин Илья Муромец руководствовался в своих действиях таким принципом, он был бы уверен, что для сражения со Змеем-Горынычем достаточно показать ему голую задницу – тогда уж у чудовища точно не было бы другого выхода, кроме как моментально убежать в панике.

Здравый смысл, впрочем, подсказывает, что для борьбы с любым реальным противником перформанса явно недостаточно, как с одной, так и с другой стороны, – однако взаимное «показывание задниц» перед выборами приобрело какие-то титанические масштабы. Чего стоило одно из высказываний «Эха Москвы»: «Вчера Владимир Путин не появился на мероприятии в Петербурге, где все равно свистели». Хочется спросить: а где еще должен был не появиться Путин, где тоже свистели? Это как-то не пришло в голову корреспондентам. В стране все время где-то свистят, а Путин там не появляется. Можно подумать, что свист каким-то волшебным образом изгоняет неугодных политических лидеров.

Реакция власти тоже удивила. Если у оппозиции было страстное желание считать свист в «Олимпийском» исключительно знаком осуждения, то власть не менее страстно доказывала, что это исключительно знак одобрения. По большому счету, там вообще нечего было комментировать: какая разница, свистели зрители или не свистели? Ведь на самом деле ничего страшного в свисте нет. Любой политик должен знать, что его могут освистать. Западных политиков освистывают чуть ли не каждый день, и это абсолютно нормально.

Более того, самое плохое для политика – это как раз равнодушие к нему, а любая реакция – будь то крик одобрения, визг или свист – вещь сугубо позитивная. В этой ситуации наиболее выигрышно выглядел сам Владимир Путин, который не убежал из «Олимпийского», а спокойно сказал все, что собирался – кстати, не призывая голосовать ни за себя, ни за «Единую Россию», – в общем, вел себя абсолютно достойно и впоследствии не давал никаких комментариев по этому поводу.

Последняя неделя перед выборами была особенно интересна. До последнего момента была вероятность, что Путин придет на дебаты с Геннадием Зюгановым. Путин серьезно рассматривал этот вариант, у него было расчищено время в графике, и даже его представители говорили с Геннадием Андреевичем. Но, к сожалению, традиционное для России представление о сакральности власти и о том, что с оппозицией не о чем дискутировать, потому что «мы делаем, а они только критикуют», помешало тому, чтобы состоялась одна из самых интересных телевизионных дуэлей в современной политической истории России, которая во многом задала бы совершенно иную тональность всем будущим политическим дебатам.

Путин эту возможность упустил, хотя на выборах 2012 года дебаты – в частности, проводимые одним из авторов книги, – были, наверное, самыми яркими за последнее десятилетие. И надо отдать должное остальным кандидатам – они вложились в эти дебаты достаточно серьезно.

Отметим, что дебаты шли по разным каналам, правда, во многих ситуациях туда приходили представители кандидатов в президенты, а не они сами. Принципиальное отличие дебатов на канале ВГТРК было в том, что там под них выделили большие, серьезные временные слоты не рано утром или поздно вечером, а в самый прайм-тайм. Это тоже сыграло свою роль в легитимизации выборов. Люди видели в прямом эфире реакцию тех или иных кандидатов. Если

Путин писал свои статьи и выступал на митингах, то остальные имели возможность обсуждать друг с другом того же Путина.

Незадолго до выборов родился миф, что российский электорат постоянно левеет и мы живем в левой стране (левой – в нашем, российском понимании политического спектра). Как выяснилось, это совершенно не соответствует действительности. Победил кандидат, который занимает в вопросах экономики крайне либеральные позиции, – мало того, Михаил Прохоров, который по большинству экономических вопросов очень близок к Путину, получил огромное количество голосов в городах, а в Москве занял второе место. Если сложить количество голосовавших за Путина и за Прохорова, то подавляющее большинство россиян получается сторонниками правых или хотя бы центристских взглядов, в первую очередь в сфере экономики, но никак не левых, что и подчеркнул низкий результат Геннадия Зюганова.

В победе Владимира Путина на президентских выборах нет особой заслуги власти. В первую очередь это просчет оппозиции – и политическая мудрость российского народа, который отнесся к выборам правильно. Впрочем, заслугой власти можно считать такой момент: оппозиция считала, что ее будут давить, что будет нечто твердое, во что можно будет биться. А власть проявила невиданную гибкость, полную готовность идти на разговор и разрешать демонстрации в самых до того немислимых местах. И кроме того, нельзя было не отметить крайне грамотную работу правоохранительных органов.

Позитивную роль сыграла и позиция большинства кандидатов в президенты, которые отнеслись к выборам спокойно, серьезно, без истерик. И Михаил Прохоров со своими сторонниками, и, как это ни поразительно, Владимир Жириновский со своими сторонниками вели себя спокойно и перед выборами, и после оглашения результатов. Неадекватно оценил результаты выборов разве что Геннадий Зюганов. Избиратели же подошли к выборам очень по-взрослому, серьезно и не политизированно.

Уже в день голосования у людей не было ни малейшего ощущения, что выборы нечестные и их не надо признавать, – такая сложилась атмосфера, достаточно деловая. Да и обстановка на участках с огромным количеством наблюдателей была спокойная. Когда Путин победил, то подавляющее большинство людей и даже значительная часть оппозиции восприняли это как само собой разумеющееся, и уже наутро после подсчета голосов лозунги о недействительности выборов и использовании «административного ресурса» резко пошли на убыль.

У Владимира Владимировича во время выступления на Манежной площади на глазах были слезы – неважно, по каким причинам, то ли от ветра, то ли от чего-то еще. Оппозиция, как всегда, не смогла удержаться от абсолютно хамских комментариев, которые не делали ей чести. А люди к таким вещам относятся очень серьезно. Люди устают от публичного хамства. И Путину во многом помогло то, что он в свою очередь отказался от любых резких заявлений – тем более что некоторое время назад он позволил себе несколько очень, мягко говоря, двусмысленных высказываний в адрес оппозиции, но быстро сделал выводы.

Кредит доверия Путину оказался так велик, что даже не вполне понятный призыв «умереть под Москвой» не стал для него трагическим просчетом, вызвав скорее иронию, чем отторжение. Почему люди голосовали за Путина? Очевидно, что они прокредитовали его доверием в надежде, что начнутся реальные изменения, колоссально востребованные в обществе.

Перегретые ожидания

Авторы этой книги много лет занимаются российской политикой и знают ее изнутри. На наших глазах разворачивались безумные атаки на основы русской духовности. Мы стали свидетелями абсолютного размывания морали, продолжавшегося последние 20 лет. Мы видели попытки войны с традиционными для России религиями, попытки дискредитации служителей церкви и попытки продвинуть так называемые либеральные западные ценности, которые в мире сейчас терпят поражение. Должно быть, впервые за долгие годы – по крайней мере с XX века – в России возник эффект парового котла, который власть сама себе создала. Притом там, где не ждали.

Это, в первую очередь, дикий рост количества гуманитарных институтов, выпускающих в год тысячи и тысячи людей изначально невостребованных (они же не школьных учителей выпускают) – журналистов, юристов, менеджеров непонятно чего. Если раньше, в советское время, было счетное количество гуманитарных вузов, то сейчас гуманитарные кафедры и гуманитарные факультеты присутствуют практически при любом высшем учебном заведении.

В жизнь выбрасываются толпы выпускников, подготовленных преподавательско-профессорским составом, разочарованным в жизни и настроенным против власти – поскольку сами эти люди фактически потеряли тот статус, которым обладали в советское время. Они получают крайне небольшие зарплаты, они потеряли уважение в обществе, то есть фактически они маргинализированы. И вот эти педагоги готовят смену, в высшей степени непрофессиональную, но настроенную ультрареволюционно.

Эта «молодая шпана» врывается в окружающую действительность и не находит себе никакого применения. При этом ей выпало жить в обществе с раскошегаренным ожиданием потребления. Потребление является мерилем успеха, а понятия «ждать», «терпеть» или «соответствовать вознаграждению» даже не укладываются у молодых людей в голове. Наоборот – надо брать, брать и брать. Ведь именно эти люди во многом наполняют негативом интернет-общение. Это люди, которые стучатся в двери невероятно расплодившихся изданий. Люди, которые выходят на улицу и постоянно дестабилизируют ситуацию.

И для страны вдруг стало ясно, что при диком кадровом голоде, при страшной нехватке профессионалов рабочих специальностей, инженеров, технарей есть переизбыток людей фактически ненужных. А институты продолжают гнать этот революционный поток.

Формируется слой псевдоинтеллигенции, которая берет на себя традиционную роль интеллигенции. Мало и плохо образованные люди, которые не читали того огромного количества книг, которые надо прочесть, чтобы начать судить о России, ее истории, культуре, духе и миссии, берут на себя эту обязанность. Они не знают элементарных вещей – тех же русских философов XIX века, русских социологов, даже русской классики. А все потому, что нынешние гуманитарные вузы не готовят гуманитариев в советском смысле слова.

Конечно, были в советских вузах, как говорится, свои тараканы, в частности, сильнейшая идеологическая накачка, но при всем том давалось крайне серьезное гуманитарное образование. Сегодня молодых людей натаскивают в школе на сдачу ЕГЭ, а в университете – на сдачу госэкзамена, после чего им выдается диплом, который ничего не стоит.

При этом они почему-то считают себя, во-первых, цветом нации, а во-вторых, глубоко образованными специалистами, имеющими возможность и право судить обо всем. Но поскольку они все-таки образованы мало, из них буквально выпирает пренебрежение к остальным, к тем, кто сомневается, кто не уверен, кто предлагает подумать и не спешить. Это люди черно-белого видения, люди, не понимающие сути исторического процесса и темпов исторического развития, но считающие себя вправе, например, подойти и задать вопрос Патриарху, даже не понимая сути того, что он может им ответить.

Нет ничего хуже, чем полужнания. Люди необразованные хотя бы понимают, что отсутствие образования – это их минус. Полуобразованные люди этого не понимают. То, что в них формируется в первую очередь – это уверенность в своей правоте, в правоте своих выводов, своих взглядов. Чем хуже человек образован, тем более категорично он мыслит. Ни нормальный рабочий, ни нормальный интеллигент никогда не мыслят категорично – это всегда особенность полуинтеллигентов, в огромном количестве расплодившихся в современной России и все активнее занимающих места в средствах массовой информации, в культуре и политике.

При этом совершенно очевидно, что, получив эти места, они с ними легко не расстанутся. И страна продолжает оставаться страной полупрофессионалов и непрофессионалов, глубоко уверенных в своей правоте. Говорить с ними бессмысленно. В результате даже при желании набрать квалифицированные кадры в стране, где отсутствует культура роста кадров, становится крайне сложно. Именно поэтому государство вдруг решило применить довольно забавный подход – отправлять молодых людей на оплаченную учебу за границей, лишь бы возвращались, как в петровские времена.

Россия сейчас встала на грань масштабных реформ – фактически их можно сравнивать с реформами Петра I или Александра II. И в этом заключается один из вызовов Путину – ему необходимо подняться на высоту, которой раньше не было.

Страна вождей

Вождизм в политической культуре России

Вождизм – это вечное ограничение российской политической культуры. Что вообще означает это слово – вождизм? Это значит, что, нравится кому-то или нет, но все выстраивается по знаменитой формуле Николая I: «Мне нужны не умники, а верноподданные». Поэтому в том или ином виде оказывается, что у тебя не единомышленники, а те, кто так или иначе тебе близок. И неважно, о ком идет речь.

Люди, которые окружают любого политического лидера, хоть оппозиционного, хоть нет, – это всегда кружок обожателей. В этом плане у человека, который добирается до власти, просто больше возможностей, потому что тут можно говорить об обожании расширенном – не только человека, но и той ауры власти, которая от него исходит.

Вывод из этого получается парадоксальный. В России – и это надо четко понимать – нет, не было и не будет партии власти. Все дело в том, что у партии власти, как бы она ни называлась, нет идеологии. Это всегда фактически становой хребет чиновничества под разными названиями. Любая партия, занявшая большинство на выборах, автоматически станет такой же «партией власти». Потому что власть в России, во-первых, всегда чиновничья, а во-вторых, она всегда, если угодно, строится на верности не политическому курсу и идеологии, а лидеру.

Принято считать, что власть к тому же носит сакральный характер в глазах народа, однако с этим можно поспорить, особенно на примерах последнего времени. Классическая русская поговорка «любит царь, да не любит псарь» работает всегда. Какая бы партия ни была у руля, отношение к ней народа всегда будет отношением Рабиновича к советской власти: «Как к родной жене – немножко люблю, немножко боюсь, немножко хочу другую». Поэтому люди всегда будут критиковать, всегда будут считать, что все плохо, потому что начальник не в курсе – а дальше уже можно подставить любой уровень начальства, от директора ДЕЗа или главы райкома в советское время до царя, президента, генсека, кого угодно. Но это все та же вечная вера не в институты, а в людей, которые эти институты возглавляют. Добежать до последней двери, до самого главного начальника – а там, в точности по Маяковскому, бухнуться на колени и, запыхавшись, просить, «чтоб обязательно была звезда».

Вообще, идеальный президент для России – это Дед Мороз. Объяснить его поведение, волю, мотивы невозможно. Он может одарить, может наказать, может потребовать, чтобы ты прочитал стишок, встав на табуреточку. И ты встаешь на табуреточку и, глупо улыбаясь, обязательно о чем-нибудь просишь. И весь ужас в том, что люди, которые вроде и не собирались ни о чем просить, внезапно начинают судорожно подбирать варианты.

Накануне выборов 2012 года, во время прямой линии с народом Владимир Путин, отвечая на какой-то вопрос, сказал, что в России сложился «режим Путина». Такой ответ опять-таки замечательно укладывается в концепцию вождистской системы власти – действительно, сложился персональный «режим», хотя есть и разнообразные другие факторы, влияющие на ситуацию. Одновременно это подразумевает отсутствие системного долгосрочного прогноза, не связанного с личным пониманием ситуации. А ведь всегда нужен «адвокат дьявола», кто-то, кто выступает против.

Путин – спортсмен по духу, он смолodu занимался единоборствами, и по большому счету должен понимать, что спортсмену необходим тренер, который его ругает. Нельзя, чтобы тренер, помощник или массажист постоянно хвалил чемпиона: «Какой ты молодец, ты достиг всего, опять ты сделал все замечательно». Это прямая дорога к проигрышу. Обязательно дол-

жен быть кто-то, кто будет его регулярно ругать: «Здесь ты работал не в полную силу, здесь ты недотянул, а вот здесь в принципе нормально, но можно было постараться сделать лучше».

Системный порок российской элиты в том, что она не имеет собственного мнения. В Америке, если ты чиновник – ты, разумеется, поддерживаешь президента. Но огромная часть американского истеблишмента постоянно критикует Барака Обаму: «Ты неправ, ты слабый, ты неправильно сделал то или это». Что делает российская элита? Она пытается быть святее Путина. Российская элита говорит: «Национал-предатели? Сейчас составим списки, всех поймем. Крым? Нельзя останавливаться! Танки, срочно танки, и сапог в Индийский океан. Что сказал этот человек? Да он скрытый атлантист! С такими надо бороться! Путин называет себя президентом? Да разве он президент? Он венценосец!» Это постоянные страстные попытки зализать, к которым сам Путин относится в высшей степени неприязненно. Надо отдать ему должное – он моментально пресекает славословия в свой адрес. Любая публичная попытка построить культ Путина воспринимается им негативно.

В то же время Путину присуща своего рода «болезнь разведчика». Ему кажется, что кто-то может попытаться им манипулировать. Когда появляется человек, высказывающий свою точку зрения, Путин всегда думает – заплатили ему или нет, есть ли коммерческий или какой-то еще интерес. И значительная часть российской элиты, забегая дорожку самому Путину, торопится сообщить: «Владимир Владимирович, не обращайтесь внимания, это все проплачено, это или западные пропагандисты, или внутренние предатели, олигархи, пятая колонна. Они возражают не потому, что несогласны – они на самом деле согласны, они тоже так считают, просто им заплатили».

В результате, перед тем как тебя выслушать, Путин начинает гадать, кому это выгодно и стоит ли тебя вообще слушать. А это очень сильно мешает реальной интеллектуальной дискуссии. Кроме того, Путину всегда кажется, что есть простые ответы. Но в интеллектуальных сферах простые ответы редко являются правильными.

Обоснованная конструктивная критика нужна любому человеку, а лидеру в особенности. Как только ему со всех сторон начинают рассказывать о его величии – дела гарантированно пойдут не так. Иными словами, самая большая опасность лидерских режимов в том, что наличие «адвоката дьявола» не подразумевается. Путину как лидеру оппозиция не нужна – но, опять-таки как лидеру, она ему необходима. Этот парадокс характерен для всей российской политической истории, и еще ни разу он не был решен.

Кто-то из русских императоров – возможно, тот же Николай I, – когда его спросили, кто в Российской империи самый влиятельный чиновник, ответил: «Только тот, кто говорит со мной, и только в тот момент, пока он со мной говорит». Вот и все влияние. И как в таких условиях может вырасти оппозиция?

В России после Петра I во главе церкви встал царь, поэтому любой человек, выступавший против царя, обвинялся еще и в богохульстве. Собственно, еще Иван Грозный говорил, что всякая власть от Бога. И наоборот, Лев Толстой, выступавший за реформирование церкви, обвинялся в государственном преступлении. Иными словами, нельзя было быть «за царя и против церкви», как и «за церковь и против царя», – ты неизбежно попадал в эти тиски. Отсюда и отношение к инакомыслящим в России – ты либо государственный преступник, либо сумасшедший.

Однако в чем основная проблема сегодняшней оппозиции? Она выступает только «против» кого-то или чего-то, а не «за». Ей надо бы выступать за народ, но проблема в том, что у нас – оппозиция «Жан-Жака», она не слышит народ, не понимает его чаяний, не является его составной частью. И чтобы выдвинуть нового лидера, ей надо прежде всего понять, какой лидер сейчас востребован.

Не случайно, если мы посмотрим на имеющихся оппозиционных лидеров, то заметим, что все они строят свой образ на антитезе Путину. Раз Путин невысок, то его оппонент должен

быть большого роста. Но по сути это политехнологические лидеры, а не народные. Нельзя войти дважды в одну реку. Путин попытался это сделать, создав себе преемника – Медведева. И нельзя, как мы уже говорили, назвать эту попытку успешной.

Политический опыт Путина по большому счету ограничен – он знает, как он сам пришел к власти, поэтому считает назначение преемника при уходящем в отставку президенте эффективным методом. И в глазах Путина Медведев был достаточно успешен – на тот момент он показал себя весьма эффективным менеджером по сравнению с другими конкурентами. Как говорили люди из правительства, когда надо было решить проблему, Медведев ее решал, а Сергей Иванов собирал совещание о разработке метода решения проблемы.

Вероятно, Путин и сейчас относится к Медведеву как к наиболее доверенному человеку – тот по крайней мере выполнил все условия и передал власть обратно. Но очевидное желание Медведева вернуться во власть может сильно ударить по его реальной политической карьере, поэтому для него было бы гораздо выгоднее сконцентрироваться непосредственно на своих премьерских обязанностях. Реальные успехи на посту премьера значат гораздо больше для дальнейшей политической карьеры, чем любые разговоры на эту тему.

Сегодня в политической обойме появились новые люди – например, Дмитрий Рогозин, который выглядит достаточно успешным вице-премьером. В любом случае можно сказать, что Рогозин, получив гигантский финансовый ресурс, действительно способствовал очевидному оживлению военно-промышленного комплекса, вплоть до того, что вызываются из глубокого резерва пенсионеры, которым говорят: «Платим любые деньги, только приходите обратно на заводы и учите эту молодую гопоту работать», – потому что заказы есть, а рабочих рук нет. И это, в общем, лучший вариант из возможных. В условиях вероятного падения экономики именно военно-промышленный комплекс может оказаться тем самым локомотивом, который протащит Россию через тяжелые времена, – как это и было уже дважды в XX веке.

Что касается оппозиции, то она никогда не совпадает с мейнстримом и, как правило, строит себя по западной модели: люди там поучились, почувствовали себя практически европейцами, а теперь приехали в Россию и внедряют то, что успели узнать. Дальше начинаются совершенно анекдотичные для любого политехнолога вещи. Избирательные кампании выглядят абсолютной калькой даже не с американских избирательных кампаний, а с сериалов об американских избирательных кампаниях. Обама закатал рукава? Мы тоже закатываем рукава! Обама сфотографировался с женой? Мы тоже фотографируемся с женой! Обама, кажется, расходится с Мишель? Мы, кажется, тоже расходимся с женами! А, Обама еще не развелся? Ну тогда и мы спешить не будем. Даже лозунги выглядят переводами.

Второе направление оппозиционеров – ультранационалисты. Они любят говорить о предательстве национальных интересов, заявляют, что они другие, и выступают от имени русского народа. Тут они начинают путаться: «Мы русские... нет, не так, мы славяне! Христиане! Нет, это еврейское что-то... мы... мы в Перуна нашего веруем!» – и моментально таким образом маргинализируются. Просто в силу того, что у каждого человека, по крайней мере в России, если как следует покопаться в родословной, можно отыскать бешеный набор кровей. И люди реагируют с недоумением: «Стоп, минуточку, давайте все-таки без идиотизма!»

Получается, что мейнстрим представлен властью. Поэтому, как бы себя ни называла партия власти, она фактически является самой консервативной. А кроме того, она до смешного соединяет в себе и левые силы – потому что надо заботиться о социальном обеспечении; и крайне правые – сообразно тем реформам в экономике, которые пытаются осуществлять; и олигархические – в силу того, как разделена российская экономика.

Ведь что такое в России власть? Это мандат на реальные действия. Исходя из этого, партия власти представляет собой разнообразнейший коктейль – в ней одной представлены самые разные политико-экономические течения и направления. По большому счету, идя во власть, человек может для себя выбирать среди такого разброса политических взглядов, оставаясь при

этом в той же самой партии или команде, что в американских реалиях он метался бы от самого крайнего демократа до самого крайнего консерватора.

Оппозиции крайне необходимо вырваться за флажки. Вариант первый – войти во власть. Вариант второй и гораздо более важный – выйти из «Жан-Жака». Вся оппозиция по большому счету столичная. Один из авторов этой книги в свое время назвал их «Виртуозы Москвы» – впрочем, на виртуозов они, честно говоря, не тянут, хотя одеты не хуже. Так что оппозиции неплохо было бы приобрести наконец российские корни, выйти за пределы столицы.

Кроме того, пора бы уже понять, что глобальному традиционалистскому русскому мышлению претит постоянный мат от политиков, и неважно, что мы говорим друг другу дома или в дружеской компании. Традиционалистскому русскому мышлению претит ругань со сцены. Заливистое хулиганство арт-формы отталкивает от политиков, а не привлекает к ним, маргинализует их избирателей. Напротив, если бы Александр Проханов был лет на 40 моложе, он сейчас наверняка стал бы одним из самых востребованных политиков в России.

Пора понять и то, что нельзя постоянно рассказывать о том, как все плохо. Как бы плохо ни отзывались россияне, допустим, о полиции, им в большинстве случаев не нравится, когда постоянно кроют матом правоохранительную систему. Потому что куда в конечном итоге люди идут, когда их грабят? Они идут в полицию. И когда полицию день за днем поливают грязью, это в конце концов вызывает раздражение. И то же самое будет справедливо для всего остального.

Серьезным, востребованным политиком мог бы стать Владимир Рыжков – он в свое время поднялся во власти довольно высоко, был вторым человеком в партии «Наш дом – Россия». Система прожевала его и выплюнула, когда он потерял темп. А вспомните, как блестяще начинал Борис Немцов – как он сам говорит, «я в детстве был губернатором», притом одним из самых успешных. Но беда наших оппозиционных политиков в том, что они все не умеют переживать падение, потому что в российской культуре политическое падение – это плохо.

Вот еще интересный момент. Посмотрите на людей, которые называют себя внесистемной оппозицией. Разве есть среди них кто-то по-настоящему внесистемный? Владимир Рыжков был в системе. Борис Немцов был в системе. Михаил Касьянов был в системе. Алексей Кудрин был в системе. Илья Яшин был в системе – в партии «Яблоко». Алексей Навальный был в системе. Маша Гайдар была в системе. Проблема в том, что они ничего не добились. Хотя по отношению к Рыжкову, Немцову и Касьянову это утверждение несправедливо: в свое время они добились много чего, другое дело, что не смогли это удержать.

В России так часто бывает – можно обладать большим потенциалом, но его очень легко растерять. Одна ошибка может привести к тому, что все рухнет. И главная ошибка – когда ты вдруг начинаешь ощущать себя оппозиционером, в течение многих лет находясь у власти. Это, к слову, очень хорошо понимал Егор Гайдар. Заметьте – он никогда не уходил в прямую оппозицию. Фактически он всегда оставался близким к власти – консультировал правительство, например. Он мог что-то критиковать, но в политику больше уже никогда не лез.

Что же получается? А получается, что бросаться бороться против лидерской модели власти со стороны бесперспективно, потому что если народ хочет лидера – то он хочет лидера. А лидер должен слышать народ, и все идеологические размышления и предложения о реформе власти отступают на второй план. Нужен лидер, который сможет бросить вызов Владимиру Путину. Демократическая оппозиция на это не пойдет – для начала, они никогда не договорятся по поводу лидера. Они будут говорить о системных реформах, честных выборах, местных советах, прозрачных бюджетах – но не о лидерстве. Среди них не проводится отбор на «Мистера лидера России 2015–2016». А раз такого отбора нет, значит, оппозиция так и не будет способна бороться с лидерской моделью власти, потому что в России сильного лидера может заменить только сильный лидер.

Кроме того, чтобы успешно пройти через горнило выборов, необходимо быть народным. Такие народные политики в России были – но ни в коем случае нельзя пытаться копировать их, двигаться по их пути. Возьмем Путина – он прошел свой путь, и всё, точка. Следующий должен идти другой дорогой. Любая попытка стать вторым Путиным будет неминуемо проиграна. Следует искать собственную альтернативу.

Унас был путь генерала Лебеда – который не прошел его до конца, однако из всех независимых политиков стоял ближе всех к президентству. Александр Лебедь был в оппозиции и не дошел до вершины власти лишь потому, что пошел на сговор с ней – занял место в Совбезе и кончился как политик, разменяв все за губернаторство. При этом он выглядел абсолютно народным – генерал с мощным голосом, герой, сумевший развести противоборствующие стороны в Приднестровье, – очень цельный и сильный образ.

Вообще есть ощущение, что новое поколение российских политиков придет из военных, которые прошли Чечню или иные горячие точки. В глазах народа это люди, которые имеют право говорить. Сейчас в политике есть несколько молодых ребят, которые не особо на виду, но при этом у них есть прошлое. Многие из них сейчас показывают себя на губернаторских должностях – например, губернатор Московской области Андрей Воробьев, который воевал в дивизии им. Дзержинского и прошел все горячие точки позднесоветского периода. Депутат Госдумы Игорь Баринов – «альфовец», ранен в Чечне, вся грудь в орденах. Депутат Мосгордумы Андрей Метельский – воевал в Афганистане, имеет награды.

Все они уже так или иначе находятся во власти – иными словами, не надо придумывать лишних условий вроде того, что новый лидер должен обязательно появиться ниоткуда, как это было в случае с Путиным. Политики, которые могут быть востребованы временем, появляются из самых разных кругов, в данном же случае речь идет о типе людей, прошлое которых дает им определенные преимущества. В России президент, помимо всего прочего, еще и Верховный главнокомандующий – и в момент выбора этот фактор может сыграть очень важную роль.

Можно ли считать построенную Путиным систему государственного управления российским национальным феноменом? Если посмотреть на историю России, то при всех пертурбациях, политических реформах, революциях и контрреволюциях рано или поздно страна приходила к вождистской – или лидерской, смотря как это называть, – модели. Все время ищется вождь. И от качеств вождя в значительной степени зависит не только эффективность государственной машины, но и ее политические характеристики.

В этом смысле Путин, конечно, продолжает все вождистские тенденции, заложенные в российской политической культуре и историческом опыте. И есть основания полагать, что, даже будь у него желание разрушить эту модель – оно окажется невыполнимым. Мало того, само это разрушение тоже было бы проявлением вождизма.

Как ни странно, столь недемократическая система власти в России складывается в результате определенных демократических посылов. Часто говорят: да, народ такой, он хочет именно этого. С точки зрения либерала это неправильно – как и отношение ко многим идеям или отношению к меньшинствам. С другой стороны, неправильно, чтобы меньшинства навязывали свою волю большинству. Как ни крути, большинство есть большинство – это основа демократии; а большинство в России всегда приводит страну к вождистской модели. И даже если суперлиберальное меньшинство захочет радикальных перемен, вряд ли общественное мнение и политическая культура России позволят это сделать.

Кроме того, нетрудно заметить, что все попытки оппозиции прийти к власти базируются тоже на вождистской модели – просто с другим вождем. Российская оппозиция на своем уровне повторяет сложившуюся во властных эшелонах схему, а уровень атомизированности политических сил доходит уже до совсем неприличного. Последний яркий пример – разборки внутри «РПР-Парнас», где количество членов партии примерно равно количеству лидеров. При этом уровень взаимных обид там зашкаливает, люди не способны друг с другом договориться и

выталкивают, как кукушата, одного из создателей партии, человека, который ее зарегистрировал, – Владимира Рыжкова, на деле самого избираемого из них политика.

Приходится признать, что это особенность российской политической культуры. Может быть либо один лидер, либо ничего. Многие соратники того же Навального отзываются о нем как об абсолютном социопате, способном воспринимать лишь восхищение и восторг и не допускающем по отношению к себе никакого критического анализа, не говоря уже о конкуренции – есть только он, солнцеподобный и луноликий.

Что в этом плане удивительно – сравнивая оппозицию и власть, замечаешь, что люди-то во власти гораздо более яркие. Путину удалось собрать довольно мощную команду. Казалось бы, в оппозиции таких должно быть не меньше, но посмотрите на любую партию – там нет обоймы ярких личностей. А глядя на условную партию власти, мы видим сразу целую плеяду харизматичных деятелей – взять хотя бы Сергея Лаврова или Сергея Шойгу. Яркие там даже антигерои.

Зачем нужна идеология

В Конституции РФ установлен запрет на государственную идеологию. С точки зрения здравого смысла это перегиб – нельзя объявлять монополию на идеологию, как это было в советские времена, но впадать в другую крайность и вообще запрещать идеологию бессмысленно – это все равно что вводить запрет на нормальную жизнь. Такой запрет абсурден по самой примитивной логике. Но вот что получается: Путин пришел к власти в 2000 году, после того как побывал на различных административных должностях, нигде не сформулировав свою идеологию, пришел как сугубый практик, тактик, способный повести за собой народ хлесткими фразами вроде «замочим в сортире». Но в плане идей он не предложил России ничего.

Путин всегда отвечал на существующие вызовы, а не рисовал дорогу в будущее. Иногда он пытался это делать – потому что определенный социальный запрос на образ будущего есть, и предвыборные статьи Путина как раз были посвящены тому, как он видит развитие России. Там он попытался изложить некую программу, но по большому счету это никого не интересовало. Всех интересовали его лидерские качества.

Один из авторов этой книги долго критиковал российских оппозиционеров за идейную и идеологическую пустоту, считая, что им следует сосредоточиться на разработке альтернативной концепции власти, но со временем пришел к мысли, что если у власти нет идеологии, то ожидать идеологии от оппозиции тоже по большому счету не нужно. Борьба с властью нужна на том же поле, на каком власть выигрывает у оппозиции, – а это не идеология. В России, с одной стороны, запрещена официальная идеология, а с другой – существует такое разнообразие взглядов, от ультранационалистических до ультралиберальных, что ни власть, ни оппозиция, видимо, не сумеют сегодня получить большинство на идеологическом фронте.

Вдруг стало ясно, что Конституция 1993 года абсолютно не соответствует требованиям сегодняшнего дня. Например, статья 31 о свободе собраний замечательно работает только в том случае, если собираются сторонники власти. При этом либералы приходят в ужас, когда проводится «Русский марш», а националисты точно так же приходят в ужас от одной мысли о возможности проведения, условно говоря, исламского марша.

И в то же время оказывается, что жителей Москвы, например, очень сильно достали уже все марши, какие только возможны. Москвичи говорят: «Ребята, хотите ходить – ходите где-нибудь подальше, потому что нам надо ездить на работу, нам надо, чтобы ходил общественный транспорт и могла проехать скорая помощь, а вы сильно затрудняете жизнь 15-миллионного города, пытаетесь ради собственных претензий вывести на улицы несколько пусть даже десятков тысяч человек, которые еще и приезжают черт знает откуда. Это, конечно, замечательно, но не могли бы вы нас оставить в покое?»

В то же время России сильно мешает отсутствие понимания базовых установок в обществе. Именно поэтому страна каждый раз ходит по кругу. И в этом плане Путин интересен как раз тем, что является лидером, который формулирует неполитические задачи.

Путин сейчас воспринимается как лидер консервативного образа мышления. Российские либералы, подбросив повестку дня, раскололи общество на антилибералов и пролибералов. При этом они нарисовали самый неудачный из возможных для себя сценариев, когда проассоциировали себя с теми свободами, которые принципиально противоречат российской патриархальной традиции. Пресловутые гей-браки, гей-парады, усыновление детей гомосексуалистами – весь этот набор вдруг стал темой политических дискуссий, когда в конечном итоге ты определяешь, свой человек или чужой, по вопросу «Ты за гей-парады или против?»

Неожиданно получилось так, что если раньше понятие «западник и либерал» лежало, в общем, вполне в рамках идеологии, то сейчас оно приобрело легкую сексуальную окраску. Дошло до того, что сексуальная ориентация уже фактически определяет политические взгляды

человека – как будто представитель гей-сообщества даже при всем желании не может назвать себя патриотом или консерватором (именно консерватором, а не традиционалистом), а приверженец традиционных сексуальных взглядов не может быть либералом. Все понятия вдруг смешались и начали приобретать совершенно иной смысл – или, если угодно, попросту утратили большую часть смысла.

Сегодня в российских либеральных кругах принято наперебой цитировать известное высказывание «патриотизм – последнее прибежище негодяя», вкладывая в него явно отрицательный смысл. Однако если порассуждать на эту тему, стоит обратить внимание на то, что патриотизм назван именно последним прибежищем. Сначала негодяи бегут в другие места. И, как ни парадоксально, ассоциировать напрямую эти два понятия можно лишь в последнюю очередь – даже в соответствии с цитатой.

Что характерно, люди даже не задумываются над тем, что больших патриотов своей страны, чем, к примеру, жители Соединенных Штатов, еще надо поискать. И что один из самых патриотических лозунгов был выдвинут не кем иным, как президентом Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, – спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны». При этом никому не придет в голову обвинить президента Кеннеди в том, что он мерзавец – по крайней мере, если не рассматривать с точки зрения морали его отношения с Мэрилин Монро, – и уж точно никому не придет в голову сказать, что США страна негодяев, потому что американцы более чем патриотичны.

Но почему-то, когда в России человек заявляет, что он патриот, слышатся саркастические замечания: «Ну да, когда родина тебя грабит, она начинает говорить о патриотизме». Хотя, опять-таки, та же Америка постоянно говорит о патриотизме, но при этом своих не грабит. То есть все время подсовываются ложные цели. Для патриархального российского большинства – бесспорно, пассивного, не желающего быть втянутым в активную политическую жизнь, – эти оскорбительные лозунги звучат крайне неточно и неправильно.

Гигантское отличие Путина от оппозиции состоит в том, что Путин говорит на языке этого патриархального большинства, понимает его, апеллирует к нему и очень четко попадает в национальный характер. Наши либералы все время пытаются пугать чужими лозунгами. Стоило случиться майдану на Украине, как они тут же вышли к столичному Замоскворецкому суду с лозунгами «Банду геть!» и «Да здравствует майдан!» – тем самым опять-таки вызывая отторжение у подавляющего большинства своих потенциальных избирателей. Потому что все время привносят в Россию чужую модель.

В идеологическом поле бороться с Путиным было бессмысленно, там оппозиция заведомо проигрывала – поскольку ее противник на это поле даже не выходил, не предлагал никакой идеологии и по большому счету ни за какую идеологию не стоял. Когда же он все-таки вышел, то вышел скорее на поле морально-этическое – и, похоже, оппозиция была к этому совсем не готова.

2013–14 годы стали годами больших потерь в общественном мнении именно потому, что морально-этические качества не были предметом дискуссии оппозиции с властью. А когда власть сделала первый шаг – пусть искусственно, вынужденно, под влиянием Запада, – она вполне закономерно стала сильно выигрывать. Тем более что многие деятели оппозиции, при всем к ним уважении, в моральном плане вряд ли могут быть примерами.

В свою очередь, формулируя то, что можно назвать квазиидеологией – в терминах отношения к социальным меньшинствам, к традиционным семьям, к той или иной религии, к воспитанию детей, к преподаванию в школе определенных предметов, – власть превращает идеологию в разговор о темах, которые понятны любому, даже самому малообразованному гражданину России.

Повторим, не власть это придумала – она тут работала вторым номером. Но она гораздо чаще говорит на языке, понятном простому россиянину, чем оппозиция со всеми своими рас-

суждениями о свободе и либерализме, заумными теориями прибавочной стоимости, объяснениями, как нужно строить бюджет и сколько брать налогов. И неважно, кто сколько украл и кто коррупционер. Люди просто идентифицируют – свой или чужой. Критерий простой: «Ты в Бога веришь или нет?» А если ты говоришь не «церковь» а «РПЦ», или называешь Патриарха Гундяевым, включается механизм отторжения. Не играет никакой роли, кто, по большому счету, в данный момент занимает пост Патриарха. Просто сразу формируется отношение: ты – чужой. Ты свой в «Жан-Жак», но чужой для народа.

Повестку дня сегодня диктует власть. Она креативней. Она предлагает какие-то гигантские проекты и все время их реализует. А активность в ответ на эти проекты все время очень предсказуема. Но дело в том, что построить олимпийский кластер интересно. Провести Олимпиаду интересно. Выиграть кучу медалей интересно. А попытки на этом фоне кричать «украли столько-то», «украли то и это», «посадили двух экологов», «а почему не рассказали про трагедию черкесского народа» вызывают у большинства людей одну реакцию: «Сколько можно? Да мы гордимся тем, что наши ребята взяли первое место, 13 золотых медалей!»

И получается так, что одни реально делают, а вторые все время повторяют: «Воруют, воруют, воруют...» Дальше работает простая человеческая логика: если все своровали, то на какие деньги построили? И возникает своего рода когнитивный диссонанс, когда с одной стороны за власть выступают уважаемые западные эксперты типа президента МОК, а против начинают кричать те наши, от которых, как от оппозиции, в общем-то, ждешь какой-то позитивной повестки. Спрашиваешь: «А предлагаете-то вы что?» И тебе на полном серьезе заявляют, что надо было не Олимпиаду проводить, а каждому раздать по мини-айпаду. Такое ощущение, что человек вообще не понимает, о чем говорит.

Любая страна, какой бы она ни была – демократической или антидемократической, – борется за право проведения Олимпиады отнюдь не по экономическим соображениям. Одна из задач власти – это пиар страны. Олимпиада – это блестящий пиаровский проект, и Россия его провела с большим успехом.

Заметьте, как этот проект неожиданно похоронил тему коррупции при строительстве объектов. Опять же, почему? Потому что критики, убежденные, что никто не будет всматриваться в документы, пропустили момент, когда власть научилась с ними бороться, причем их же методами. Власть стала в ответ читать антикоррупционные доклады и над ними издеваться, говоря: «Вот здесь неточно, здесь неправильно, вот этот объект включили в список, а он не имеет отношения к олимпийской инфраструктуре. А тут вы вообще о чем?» Доходит до того, что, казалось бы, либеральные СМИ, ранее дружно поддерживавшие эту тенденцию, вдруг стали задумываться: «Постойте, а может, действительно какая-то чушь написана?»

Нетщательность подготовки сводит на нет все усилия критиков. А самое главное – это неинтересно. Вот нашли дачу одного, дачу второго, дачу третьего. А дальше-то что? И так все знают, что у нас много богатых людей. Незадекларировано? Но кого этим сейчас удивишь? Можно подумать, у нас все всё декларируют.

Люди устали от этих разговоров. Сложилось определенное равновесие, в борьбе с коррупцией установился вечный пат, и общество во многом потеряло интерес к проблеме. Нет драйва, нет драмы. Это тоже нехорошо, но тем не менее коррупция сегодня – отнюдь не вопрос идеологии. Власть подходит к проблеме с практической стороны: вот есть воры, есть люди, которые не декларируют имущество и доходы, есть чиновники, которым надо прижать хвост, а есть чиновники, которым позволено больше, чем другим. А оппозиция пытается все перевести в идеологические рамки борьбы с «режимом Путина» и проигрывает. Тем более что «держи вора!» чаще всего как раз кричат персонажи с очень неоднозначной репутацией. Одно дело, когда о коррупции говорит академик Сахаров, а совсем другое – люди, сами много лет отработавшие в правительственных структурах и никогда не отличавшиеся безупречной репутацией.

Российская государственность: Механизм со смещенным центром тяжести

В России так и не сложилась система государственного управления, которая не реагировала бы на смену первого лица – как это происходит во многих странах, где государственный механизм сбалансирован. Смена президента или первого министра не влечет там за собой крутого поворота на новый курс. В России же, при вождистской системе власти, любой лидер имеет практически монопольную возможность повернуть страну в любую сторону, в какую ему покажется правильным повернуть. И поворачивали – достаточно почитать школьный учебник истории.

При этом нет никаких компенсирующих механизмов – ни сдерживания, ни балансирования, ни даже объяснения этого поворота. От личных качеств и предпочтений конкретного вождя зависит все, что происходит в стране. Если вождь демократ – то и власть более-менее демократическая; если он авторитарен – власть более-менее авторитарна; если лидер националист – власть неизбежно приобретает национальную, этническую окраску; если он религиозен или, наоборот, атеист – то по всей стране очень быстро распространяется соответствующий сигнал. Отсюда существующая системная проблема с переходом власти, с выбором нового царя, президента или генсека, когда приходится зачастую идти на компромисс, искать преемника, договариваться, и все это иногда приобретает карикатурный характер.

К слову, один и тот же вождь может успеть сильно измениться за время своего пребывания в Кремле, и мы не ошибемся, если будем, например, говорить о разных обликах Владимира Путина в разные моменты его нахождения у власти. Что делать с политической системой такой страны? Хороший вопрос. Можно ли выстроить демократическую политическую систему, если в конечном итоге от нее мало что зависит? Система обслуживает лидера. Лидер, в свою очередь, реализует положение Конституции, гласящее, что источником власти в стране является народ – а народу нужен лидер.

Похоже на замкнутый круг. Может быть, задача тогда заключается не в реформе власти, а в обеспечении адекватности лидера? Ведь сила того или иного руководителя очень заметно зависит именно от его адекватности, от его возможности чувствовать политический и идеологический запрос общества на то, какой человек сегодня нужен во главе страны.

Как известно, самая предсказуемая черта российской власти – это ее непредсказуемость. В мире это воспринимают очень плохо. Россия в этом смысле непонятна для большинства западного мира, да и восточного, пожалуй, тоже – в Азии предсказуемость ценится еще больше, чем в Европе. Не зря символом России стал медведь – это одно из самых непредсказуемых животных, он может быть ласковым Винни-Пухом или злым и агрессивным хищником. Поэтому мир не может просчитать действия России, да и сами россияне часто чешут в затылке, говоря: «Ну да, умом Россию не понять». И все же такова объективная реальность, с которой мы имеем дело.

Один из авторов этой книги был неприятно удивлен тем, что президент Путин, в свое время объявив о возможности войны с Украиной, вначале объяснил все Бараку Обаме, потом объяснил все Ангеле Меркель, объяснил все Франсуа Олланду, объяснил все генеральному секретарю ООН, но долго ничего не объяснял ни своим избирателям, ни Совету Федерации, куда даже не явился лично просить разрешения на ввод войск, ни тем более Думе. Со стороны ситуация выглядит совершенно ненормальной – ведь, если и надо кому объяснять, то в первую очередь российским гражданам, а потом неплохо бы и гражданам Украины разъяснить позицию России в этом вопросе.

На деле же никто не понимает, что происходит на самом верху – хотя президент, возможно, и считает, что все предельно ясно. Более того, мы видим, что в его силах повернуть

ситуацию в ту или иную сторону, и никто больше не в состоянии это сделать. Почему руководителю страны в России постоянно оказывается доступен такой объем власти? Он может сам объявлять или не объявлять войны, сам подключать или не подключать армию, сам принимать решения об оккупации – или освобождении, если угодно, – соседних государств, объявлять холодную войну и т. п. То есть по закону-то не может – но на практике мы видим, что все именно так и происходит.

Этот разрыв между законом и реальностью очень интересен. Дело в том, что понятийно Путин уже все объяснил. Через средства массовой информации нам сообщили: русских бьют, фашизм наступает, власть в Киеве захватила хунта – как принято стало называть этих людей, хотя военных там не видно, – бандеровцы во власти. Другое дело, что информация сегодня и подается, и воспринимается так, как нужно конкретным людям. Это один из элементов современной войны – когда мы верим той информации, которой хотим верить, и объявляем пропагандой ту, которой верить не хотим. Но вопрос в другом. Неправильно утверждать, что власть лидера никем и ничем не контролируется. В России всегда существуют очень тонкие взаимоотношения между кумиром и толпой. Есть ожидающая толпа – народ. И есть уровень ее ожиданий.

В самом деле, антироссийская риторика на майдане звучала постоянно. Вся украинская революция была построена на жуткой антироссийской риторике. Отрицать этого нельзя. Анти-семитская риторика тоже была. Партийные марши со свастиками были. Портреты Бандеры и Шухевича были. И у народа моментально просыпается историческая память: «Ах, они хотят наш флот выгнать? Из нашего русского города? Из нашего русского Крыма, который Украине отдал Хрущев? Что же это за президент, который отдаст наш Крым и наш Севастополь? Это что, повторение поражения в Крымской войне XIX века? Не бывать такому!» Путин попросту не мог не ответить на этот посыл.

Но представим, что та же самая толпа дальше заявляет: «Молодец, здорово, сейчас мы всем навалием». И тут начинается вторая часть истории – санкции. Некоторое время эйфория продолжается, слышатся крики: «Нам наплевать на санкции, мы патриоты, все здорово». Потом вдруг бюджет перестает получать деньги. Время идет, а денег нет. Надо платить зарплаты, а зарплаты падают. Привычный образ жизни разрушается. Из страны не выедешь. Товаров нет. Услуг нет. Народ говорит: «Какая, к черту, Украина? Зачем мы туда полезли?» – и возникает дикое негодование и недовольство кумиром. Поэтому, к слову, главная способность, которая требуется от людей на самом верху, – они всегда должны уметь достать кролика из шляпы.

Зеркало для России

В поисках героя

Рано или поздно, анализируя хитросплетения политической и общественной жизни в стране, приходишь к достаточно тревожному выводу: как бы ни мерили себя россияне, в какое бы, условно говоря, зеркало они ни смотрели, это зеркало всегда находится вовне. Своего собственного, национального зеркала у страны нет. На самом деле, нетрудно догадаться, почему так получилось – потому что нет однозначного, устоявшегося взгляда общества на собственную историю. Россия потеряла реперные точки своего исторического пути.

Попробуйте ответить на вопрос: есть ли в российской истории абсолютные герои? Люди, образы которых прошли через все передряги политических пертурбаций, преодолели крутые повороты судьбы, истории и власти и не потеряли своего значения? С высокой степенью убедительности можно назвать такими героями русских святых – Серафима Саровского, например. Однако по большому счету эти исторические фигуры просто боятся обсуждать, к тому же большинство людей мало что о них знает. Да и находятся они, если угодно, вне политического контекста, олицетворяя собой как раз-таки уход от мирской жизни.

Есть герои Великой Отечественной – но и они вызывают сегодня неоднозначную реакцию. Понятно, что за всем этим стоит определенная историческая концепция. Уже опошлен подвиг и панфиловцев, и Зои Космодемьянской, и Александра Матросова. Уже и на маршала Жукова вылили ушаты грязи – да, собственно, на всех, на кого смогли дотянуться. Уже и не ясно, кто войну-то выиграл. Уже и Красная армия – армия не победителей, а насильников. Да и Кутузова упрекают в том, что он сдал Москву, и говорят, что Багратион или Барклай де Толли были более талантливыми военачальниками, а Лев Толстой в своих книгах извратил историю Отечественной войны 1812 года, сделав Кутузова главным.

Пойдем дальше. Александр Невский? Он тоже какой-то не тот герой. Надо сказать, правда, что историки и в самом деле не усматривали в деяниях Александра Невского особого героизма. Героизация его образа произошла в конкретной ситуации – накануне Второй мировой войны, когда поступила команда снять патриотический фильм. Иосиф Сталин заложил в основу фильма определенную идеологическую концепцию, а режиссер Сергей Эйзенштейн и актер Николай Черкасов блестяще справились с задачей.

Может быть, Иван Грозный? Да что вы, помилуйте, разве можно воспринимать его как национального героя? Собственно, и Петр I – под очень большим вопросом, хотя он и повернул страну в новое цивилизационное русло. Иными словами, получается, что признаки героизма в российской истории в большинстве случаев не связаны с развитием, с реформаторством, и уж тем более не становились героями люди, которые продвинули страну вперед по пути эволюционного развития.

Можно было бы назвать героями первопроходцев, осваивавших Сибирь, – но и тут смотря для кого они герои. Ермак добавил стране территорию – чем не герой фронта, причем по вполне американским меркам! Но если смотреть внимательнее, заметим, что Ермак был попросту бандитом. Да и присоединение земель само по себе вряд ли можно считать признаком героизма. Тот же Иван Грозный колоссально расширил территорию современной ему России. Притом те, кто с ним боролся, были не меньшими героями – но их практически никто не помнит, за исключением профессиональных историков. Остались неизвестными героями и церковники, противники Ивана Грозного, которые были им уничтожены.

Кроме того, Россия – страна многонациональная, поэтому у каждой нации по идее должны быть свои герои. И тут все вообще запутывается. Начнешь восхвалять Ивана Грозного

– и запнешься о взятие Казани или Новгорода. В летописях мы читаем, что река Волхов, на которой стоит Новгород, стала красной от крови, а побоище при взятии Казани для татар является одной из самых страшных страниц истории. Для кого-то герой Алексей Ермаков, а для народов Кавказа он палач, проклятый персонаж. И наоборот, более позитивный для Кавказа деятель – Иван Паскевич.

В сфере политики общество раз за разом поляризуется по одной той же линии – диктатор или не диктатор. Наше историческое сознание всегда идеализирует диктаторов и очень не любит государственных деятелей. Все попытки поднять государственных деятелей на щит и сделать из них героев, начиная от Алексея Михайловича Тишайшего и заканчивая Михаилом Сперанским, Петром Столыпиным или, из относительно последних, Алексеем Косыгиным, обречены на провал. В памяти остаются совсем другие люди – кровопийцы и душегубы. Иван Грозный, Петр I, Иосиф Сталин. А Никита Хрущев, пришедший после Сталина и раскрепостивший страну, остался в истории анекдотом – не как автор оттепели, а как инициатор «слякоти» и человек, жестко ассоциированный с кукурузой.

Россияне гордятся своей литературой – и вообще культурой. Поэтому у нас в число предметов национальной гордости вошли писатели и прочие деятели искусств. Им прощается то, что не прощается остальным. Никого не волнует сексуальная ориентация ряда звезд балета или создателя «Русских вечеров» в Париже. Или вот абсолютно русский герой – Федор Шаляпин. Анна Павлова. Майя Плисецкая. Галина Уланова. Все это персонажи, не вызывающие никаких сомнений. Конечно, нельзя назвать их в полном смысле героями, но они по крайней мере бренды. Есть у нас и герои науки, герои освоения космоса, на которых тяжело бросить тень, сколько ни пытайся, – Королев, Циолковский, Гагарин. Но опять же это другое направление и другая тема.

И все же вернемся опять к политике. Выясняется, что был в России человек, оказавший бесспорное влияние на весь ход мировой истории, – Владимир Ленин. Единственный мыслитель, который, нравится нам это или нет, сформулировал идеологическую, мировоззренческую концепцию, которая определила развитие всего XX века и фактически в том или ином виде была доминирующей.

Что интересно, Ленина наше общественное сознание сейчас тоже выкинуло – хотя он за крайне недолгое время своего реального правления абсолютно изменил весь мир. Не будем сейчас рассуждать о знаке этих изменений – плюс или минус. Бесспорно то, что ни один российский политик никогда не производил такого глобального потрясения, как Ленин. И на Западе, как ни парадоксально, он остался знаковой фигурой, одним из главных идеологов XX века, человеком, изменившим ход развития человеческой цивилизации. А здесь его активно вычеркивают, при этом совершая большую ошибку – зачем отдавать наследие Ленина непонятно кому?

Почему это ошибка? Потому что благодаря Ленину, нравится это кому-то или нет, Запад сейчас живет так, как он живет. Ленин напугал буржуазию настолько, что она наконец осознала необходимость договариваться, создавать социальные пакеты, развивать гражданские институты. Посмотрите на количество социал-демократических партий, в разных вариантах действующих в мире, посмотрите, в скольких странах эти партии находятся у власти или находились в XX веке.

Напомним, что тот же Муссолини во многом вылупился из русской социал-демократической мысли – именно в рамках ее он получил образование и в дальнейшем уже от нее отталкивался, пытаясь, если угодно, идти по третьему пути, мимо социал-демократии Ленина и национал-социализма Гитлера. А Гитлер, в свою очередь, отталкивался от коммунистической идеи, создавая ее антипод. Так что Ленина и тут можно считать первоисточником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.